

СЕРГЕЙ ОСТАПЕНКО

ГОРОД НЕ ОТ МИРА СЕГО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-76

Сергей Остапенко
ГОРОД НЕ ОТ МИРА СЕГО

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Дизайн переплета *Василия Половцева*

Остапенко, Сергей.

О-76 Город не от мира сего / Сергей Остапенко. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 704 с. — (Нова Фикшн. Фантастика: XXI век).

ISBN 978-5-17-173829-7

Кто убил Джона Кеннеди?
Существует ли снежный человек?
Почему затонула Атлантида?
В этой книге об этом ни слова.

Зато вы узнаете, из-за кого жизнь на Земле так невыносима; как работает космический двигатель Кастера и Эвтукла; куда отправился ковчег после Потопа; какие строки сочинил Ганнибал на руинах Рима; и, наконец, можно ли достичь всеобщего счастья хотя бы в одном отдельно взятом городе, если он — не от мира сего.

Герои романа — честолюбивый творянин Андрей, царевна красоты Мария Фрейнир, странствующий пророк Эклектор и другие — персонажи из книги, написанной в 2091 году богатым мизантропом Ионой Верным, который живёт на острове и ненавидит своих современников. Что же читатель держит в руках — мистификацию, философскую метафору или творение визионера, мучимого подавленным комплексом мессиянства? Автор утверждает, что в основе его онтологического детектива — реальная история, а её персонажи — живые люди, которые пока даже не догадываются, какие неописуемые испытания ждут их мир, и какую роль в его судьбе им предстоит сыграть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Остапенко С., 2026
© ООО «Издательство АСТ», оформление,
ISBN 978-5-17-173829-7 2026

*Все географические названия,
события, персонажи, а также их
убеждения и поступки вымышлены.
Любые совпадения с реальностью
являются случайными.*

СЕКРЕТНО

КОПИЯ

**УРОВЕНЬ ДОСТУПА
ВЫСШИЙ**

*Копия из архива
Службы собственной безопасности
Ордена прогресса и процветания*

Агенты, допущенные к документу:

Мастер-следователь:

Корыстов Ф. М.

Рыцарь-секретарь:

Нимрудиади И. З.

Документ приобщён как вещественное доказательство по делу № XXXV-092, в отношении подозреваемого Ионы Левиафановича Верного, в соответствии с планетарным кодексом правонарушений обвиняемого по статье «Измена человечеству и создание угрозы глобальной безопасности».

Описание:

Рукопись на бумажном носителе, озаглавлена:

«Город не от мира сего».

Изъята 23.12.2092 при обыске частного аэрокосмического челнока с реестровым номером B888-ИЛ (зарегистрирован в секторе RU).

Предполагаемый автор — Иона Левиафанович Верный.

Приводится с цензурными сокращениями.

«Бойся сверхчеловечка!» — вопию я, и глас мой — глас вопиющего в толпе.

От души заклинаю пропустить моё пространное вступление и сразу же перейти к самой книге. Будет лучше, если вы вернётесь в начало, только узнав, чем всё кончилось.

Если вы не вняли моему совету — что ж, это ваш выбор, я предупреждал. Какую тайну скрыл лукавый Гильгамеш? Откуда пошла крылатая фраза «Тмутаракань — третий Тир, а четвёртому не бывать»? Об этом и о многом другом только мне-то, похоже, и известно. Но кому придёт в голову спрашивать такое? Поэтому я не для вас и рассказываю. А для тех, кто умеет задаваться вопросами. Хотя все, кто на это способен, по большей части уже мертвы.

Давным-давно — целую эпоху назад — люди жили совсем иначе. Если подумать, это было время и не людей, а полубогов, цельных натур, чей нрав был хищным, век — коротким, а конец, как правило, печальным. Это продолжалось на протяжении всей известной истории, пока Человека не подменили сверхчеловечком, обстрипав эту непростую задачу за ширмой невиданного прежде уровня благоденствия.

Понятие «фрилансер» означало тогда хитрецов, зарабатывающих без уплаты налогов, а не уважаемых братьев из особых орденов наподобие моего, которые только и сохранили сегодня привилегию трудиться посреди моря вынужденных трутней, дуреющих от собственной бесполезности.

Это было время, когда многое ещё сохраняло ценность. Например, государственные мифы, деньги или творчество. Ещё можно было, судорожно выпрастываясь вон из кожи, выделиться из толпы. Пусть ненадолго, но важен сам факт.

Сегодня чёрта с два это кому-то удаётся. Не по причине запрета — тогда смельчаки находили бы способы его обходить. А оттого, что пятнадцать миллиардов индивидуальностей, хоть ты тресни, сливаются в эклектичный общий фон, где нет новых мелодий, идей и решений, так как все возможные варианты просчитаны, однажды кем-то уже реализованы и продемонстрированы публике, которой остаётся только выбирать из этой кучи вторсырья. История кончилась; то, что осталось, обладает новизной и свежестью заевшей виниловой пластинки. Кажется, человеческий мир, со всеми его смыслами и ценностями, летит в пропасть, но это падение бесконечно и комфортно.

Впрочем, моя скорбь не о засилье искусственного интеллекта и отчуждении людей от создания материальных благ. Я достаточно стар, и у меня хорошая память, чтобы помнить время, когда до всего можно было дойти своим умом, а не с помощью услужливых алгоритмов. Далёким, уже засаленным от прикосновения воспоминаний краем жизни я даже ухватил время, когда многое можно было сделать своими руками. Возможно, сегодня это уже считается преступлением, но я иногда позволяю себе слабость взять в руки топор. Рукоять его обмотана синей изолентой. Бог знает, когда им пользовались, — наверное, ещё в первую социалистическую эпоху. Я обхватываю топор мозолистыми ладонями и колю дрова для камина в моём нескромном особнячке. Увы, поленья мне приходится специально заказывать у контрабандистов, и порой с исполнением заказа я испытываю сложности. Впрочем, чернотём в моём саду тоже контрабандный. Его я ностальгически вскапываю по весне лопатой, не менее ветхой, чем топор.

Собственно говоря, я веду к тому, что знанием, как всё в мире обстоит на самом деле, я обязан именно своей лопате.

По правде говоря, я ещё не решил, нужно ли делиться этой историей или ограничиться изложением её для стройности себе самому. О себе сообщу только несколько подробностей, из-за которых мне вряд ли смогут предъявить претензии заинтересованные лица и организации, — а таковые, уверяю вас, существуют во множестве.<...>

Моя внешность ничем не примечательна. Я разменял двенадцатый десяток, и все мои органы — по крайней мере, пока — родные, функционируют со дня моего появления на свет. Я ни разу не баловался ни синтетикой, ни донорским материалом и этим заслуженно горжусь. Дело принципа. Так я понимаю, что я — это всё ещё я, а не монстр Франкенштейна. Свою долговечность я поддерживаю исключительно естественными методами, что отнимает много усилий и времени, но в моём возрасте, когда дела суеты опадают, как осенняя листва, на здоровье можно не экономить. Я могу пробежать с десяток километров, побыть под водой до трёх минут, могу побить соседа в спарринге, хотя он моложе меня лет на тридцать. Просто он бросил заниматься собой уже полвека назад, и если в нём что-то выходит из строя, он просто проходит курс регенерации. А это развращает. Для меня он просто овощ, который давно утратил волю к жизни. Но самое главное — в отличие от него и вообще от большинства постсапиенсов, я поддерживаю долголетие не потому, что боюсь умереть. Мне просто интересно здесь оставаться. Не переходя грань миров, наблюдать за происходящими событиями. Это что-то вроде экстремального спорта, если угодно. Рекорд мне не поставить, но в этой игре главное — финишировать как можно позже.

На архипелаге, который я избрал пристанищем, чудаков-отшельников хватает. Последние родственники, с которыми я поддерживаю отношения, уехали ещё до того, как климат и тектоника перекроили карты на но-

вый лад. Море, когда-то плескавшееся у стен Танаиса, спустя две тысячи лет вновь вернулось, и низины между возвышенностями древнего кряжа стали мелководными проливами. Когда шла эвакуация, я остался. Ностальгия? Возможность исследовать с аквалангом ушедшие под воду улицы Ростова? Возможно. Мне нравится болтать ногами, сидя на выступающих над водой крышах старых особняков или плавать на вёслах между бетонными опорами полуразрушенных эстакад. Иногда я останавливаю лодку у покрытых коркой соли куполов собора, ослепительных в солнечную погоду, и подолгу молюсь. Это небезопасно, что-то периодически рушится, и кто-то из отчаянных туристов при этом гибнет, но, как я уже говорил, я многое могу себе позволить. Потому что я из фрилансеров. Или, если угодно, из того сословия, которое нашло в себе силы противостоять халяве, когда она, как было предсказано в русских сказках, пришла. Я уверен, что на Земле давно наступило объединяющее всех царство Антихриста, приход которого никто не заметил и не огорчился. Но я-то знаю, что это ненадолго, поэтому бодрствую.

Право на труд сегодня отличает меня от массы в той же степени, в которой в Древнем Риме отличала бы принадлежность к патрициям, а во времена Екатерины II — к дворянству. Во вторую и, наверное, окончательную социалистическую эпоху на нас держится вся система. Те, кому не повезло и кто вынужден всё получать от жизни просто так, теперь, словно бунтующие подростки, одновременно испытывают благодарность и ненавидят нас. Всё, что они умеют, — это питаться и развлекаться. Другому их никто и не учит, ибо тогда сложно будет держать статус-кво.

Сообщу страшную тайну: в нашем служении тоже нет необходимости. Всё преспокойно будет вертеться и само собой. Я не верю в апокалиптический бунт машин и прочих бред фантастов из прошлого века. Чего я действи-

тельно боюсь — что человечество деградирует настолько, что наскучит нашему Создателю. Вдруг Он не станет утруждать себя и не прекратит фарс, в который превратилась цивилизация. Тогда нам останется только дурная бесконечность, мы будем вертеться на этом глобусе, как плесень, пока не истратим всё, что нам было дано, и не сдуемся, как резиновый шарик, без воли и навыка полагаться на себя, как могли люди прошлых эпох.

Впрочем, моя вера даёт мне повод для оптимизма. Я знаю, что время — это свиток, который имеет начало и конец. Он постепенно разворачивается, и мы, словно письма, проступаем на нём — каждый в своё время. Достоин ли этот свиток, чтобы его прочли Авторы всего сущего, или, взглянув на плоды нашего существования, они стыдливо отведут глаза? Сочтут ли его драгоценной рукописью или же неудачным черновиком? Так или иначе, он будет развёрнут до конца и брошен в огонь обновления. И заново в этом пламени проступят уже не все письма, а лишь те, что получили на это право.

Возможно, наш свиток вообще не уникален.

Не буду лукавить: я уверен, что это так. <...>

Я снова отвлёкся. С возрастом мне всё труднее бывает подойти к сути дела, и я жёлчно топчусь вокруг да около. Если будет перед кем извиняться, я прошу прощения за своё старческое брюзжание.

Мой остров когда-то был депрессивной территорией. Депрессивными такие места было принято называть во время постиндустриального перехода. В них наступление Армагеддона прошло совсем незаметно — потому что в жизни их обитателей ничего не изменилось. Когда-то время замерло и здесь, пока я, пользуясь связями и влиянием, не прибрал к рукам этот опустевший уголок. Теперь здесь заповедник, напичканный невидимыми глазами технологическими приспособлениями.

Увы, с каждым годом море обкусывает мой остров со всех сторон. Меня раззадоривает эта война. Я насыпаю вдоль берега дамбы, укрепляю склоны, но неумолимая природа побеждает.

Однажды после шторма волны размыли небольшой утёс. С утра я регулярно оббегаю свою вотчину по периметру — на тренажёре удобнее, но хищное мировосприятие, которое я сберёг с юности, заставляет меня контролировать и защищать всё, что происходит на моей территории. В век тотальной травоядности я держусь за эту черту изо всех сил.

Так вот.

Внутри утёса что-то обнаружилось.

Я отреагировал как дикарь, увидевший нейровизор. Упал на песок и разглядывал чудо. Блики выступавшей из песка тёмной сферы пульсировали, словно сердце кита. Предмет явно оказывал воздействие на сознание, давил, хотелось отвести глаза, как от чего-то заповедного, кошмарного или запретного. Он словно испытывал меня, достоин ли я выдержать его силу.

Я выдержал.

Первой мыслью было, что это подарок от боевиков какого-нибудь движения «Труд вместо изобилия». Первой и бестолковой. На взрывное устройство предмет не был похож, да и не такая уж я значимая шишка, чтобы расправляться со мной вот так показательно. Избавиться от меня можно гораздо проще. Получить образец моего генома нетрудно, а приготовить и распылить субстанцию, на которую летально отреагирую только я, — дело техники.

В общем, я поднялся и поспешил за лопатой.

Знаете, что забавно? Я уверен, что у меня единственный рабочий экземпляр лопаты на Земле. Музеи в расчёт не берём. Я и сам-то порой чувствую себя музейным экспонатом. Умею пользоваться лопатой, топором, пилой;

точить, сверлить, шить... Это больше, чем хобби. Мне кажется, благодаря этому я один только и остался вполне человек. А остальные, совершая завещанный Ницше прыжок из человека в сверхчеловека, так и не смогли перемахнуть через пропасть. И обосновались на дне, обратившись в недосверхчеловеков. Сверхчеловечков.

А меня от этой участи спасли топор и лопата.

Я бежал к моей цитадели. Она спрятана под муляжом ветхой избы. За брёвнами скрыты стены бункера из новейших полимеров. Бункер углублён в землю на тридцать метров.

На бегу я вызвал на поверхность модуль с инструментами. Не сбавляя хода, выдернул из него лопату и бодро вернулся к утёсу. Однако трепещущей, как сердце кита, сферы уже не было. Осталась только осыпавшаяся круглая дыра глубиной с человеческий рост.

Я принялся за расчистку и кое-что нашёл. Поцарапанный футляр. Я обследовал его дистанционным манипулятором, проверил уровень токсинов, радиации, микробиологической активности. Ничего угрожающего. Внутри хранился некий прибор. Он функционировал. В него можно было вставлять маленькие диски из ячеистой матрицы, похожей на плитку шоколада, и тогда прибор выпускал из себя тончайшие шлейфы, которые начинали ветвиться, ползя к голове. От греха подальше я выключил его.

Вот и вся предыстория. Находку я, естественно, передал магистрам своего ордена. Умолчал только о том, что создал копию устройства для личного пользования.

Я полагаю, мне простится отсутствие подробностей его исследования. Эти сведения уже засекречены; к тому же обывателям технические детали, по большому счёту, не интересны. Опишу только способ подключения к прибору. То, что я принял за шлейфы, оказалось нейроволокном; шлейфы безболезненно проникают в нервную систему и встраиваются в нейронные цепи и нервы, ве-

душие к органам чувств. Сначала это до рвоты пугало, но, когда я по привычке, неприятные ощущения исчезли. Выяснилось, что управлять устройством можно с помощью мысленных приказов.

Как вы, наверное, догадались, таинственная сфера подбросила мне на остров устройство для чтения и хранения информации невообразимо большого объёма. Вы можете спросить, чем это отличается от современных компьютеров, способных подключаться к нервной системе? Обычные компьютеры позволяют работать с информацией посредством программ, через устройство ввода-вывода, например монитор или нейровизор. Данные же из футляра доступны сознанию как непосредственно переживаемый опыт. И этот опыт невозможно отделить от своего, не отключив шлейфы.

Грубо говоря, эта ЭВМ не данные загружает в сознание, а сознание погружает в океан данных. А потом отпускает в плавание, в котором личность чувствует себя не наблюдателем, а участником. Создатели этого устройства ничего не упрощают и не обобщают. Я предполагаю, что они наделены растровой памятью. Их сознание не путается в деталях, на которые рассыпается мир, а воспринимает всё окружающее сплошным всеохватным потоком. Поэтому их техника способна в мельчайших деталях фиксировать всё, что происходит в каждом атоме и каждой галактике. На протяжении эонов! Исчислено даже количество электронов в следе засохшей конской лепёшки на сапоге Кортеса, в котором он ступил на берег Нового Света.

Так в их картотеке представлена, возможно, история вообще всего. Например, судьбу человека с помощью этого прибора можно просмотреть как непосредственно проживаемый жизненный опыт, во всей его сложности. С вшитыми воспоминаниями и мечтами. Она сразу есть, словно влита в сознание. Ты сам становишься этим чело-

веком. Но вся эта колоссальная стена данных не рушится на тебя одновременно. Они заархивированы, и между ними можно перемещаться, словно по ссылкам в сетевой энциклопедии, проживая каждый эпизод как здесь и сейчас. Я обозначил эту технологию как «ментальный растр». У команды исследователей, занимающихся изучением артефакта, свои термины, но мне они не по душе. <...>

Очевидно, все эти записи сделаны с помощью чрезвычайно продвинутой технологии для нужд некоего могущественного разума. Фиксируя эти непостижимо огромные массивы данных, он как бы отвлекался, подсматривая за судьбами случайных, как мне казалось, людей и создавая своеобразную летопись их жизни, погружаясь прямо в сознание своих избранников. Слепки этих судеб так увлекли меня, что я не удержался от соблазна и посмотрел их все до конца. Мне нравилось вживаться в сюжеты, увековеченные этим непостижимым летописцем, любоваться пейзажами, которыми любовались его избранники, смаковать их эмоции и мысли. Чувствуешь себя немножко богом, когда проживаешь чью-то ложь или страсть, как свою.

Мало-помалу я понял, что эти судьбы были чрезвычайно важны для создателя этих летописей. Их объединял некий онтологический стержень. Когда я понял, что это значит, я решил создать на основе своих погружений в эти хроники книгу.

Сегодня никто уже не пишет книг, но я делаю это для себя и для мёртвых, поэтому не беспокоюсь, будет ли когда-либо прочтена моя книга. Мне не передать подсмотренное в обрётённых хрониках в точности так, как оно мне открылось. Это невозможно не только технически; признаюсь, для этой задачи у меня недостаёт энергии и таланта. Я лишь попробую передать хотя бы то, без чего история не будет полной. Иначе книга получится сумбурная и безразмерная. Попробую связать воедино нити

всех клубков, за которые мне позволено было ухватиться во время погружения в эту странную летопись.

Иногда я буду оставлять слова и их смысл неизменными, чтобы лучше передавать контекст, но чаще буду адаптировать их, заменяя более привычными. Если бы я решил заменить все латинизмы и англицизмы, наводняющие нашу речь, карфагенскими и нордманскими терминами, книгу пришлось бы читать со словарём. Там, где незнакомых слов не избежать, я расставляю поясняющие примечания. Где-то я привру для красоты или простоты изложения, но суть оставляю без искажений. Я беру на себя непосильное бремя — показать всё, перемещаясь между сознаниями моих героев, и, хотя литературные критики современности наверняка предадут меня за это анафеме, я уверен, что это лучший способ показать события так, как они открылись мне. Также я позволю себе снабдить главы эпиграфами. Если мой стиль покажется кому-то слишком высоким или, напротив, примитивным — не обессудьте, я дитя ушедшей эпохи, в которой одинаково порицалась как простота, так и сложность, так пусть моя книга станет реквиемом обеим.

Как я уже говорил, время — это свиток, имеющий начало и конец. Однажды наступает наша очередь, и мы — рунами, клинописью или двоичным кодом — проявляемся на нём. Но глупо думать, что свиток, на котором мы записаны, — единственный во вселенской библиотеке Бытия. Или что однажды наш свиток не начнут переписывать с чистого листа.

По мере чтения вам станет понятно, на что я намекаю. И если вам покажется, что вы не готовы к этому откровению, то знайте, что это так и есть. К этому никто не готов, в том числе и ваш покорный слуга.

Сейчас я в библиотеке, на верхнем этаже своего бункера, над стопкой пахнущих типографией бумажных листов. Верхний этаж — это встроенный космический мо-

дуль, в случае эвакуации его можно мгновенно отправить на орбиту. Если это однажды случится, библиотека отправится со мной. Я понимаю, что иметь настоящую библиотеку в эпоху, когда мозг можно подключать к любой базе данных и мгновенно выхватывать оттуда любые сведения в нужном формате, — старомодный бзик. Но ничего не могу с собой поделать, таков уж мой нрав.

Корешки бумажных книг окружают меня, словно сомкнутый строй щитов античной фаланги. Я слышу дух тлена, источаемый доспехами их обложек.

«Быть может, тот, кто создал эти хроники, тоже всего лишь писатель, который выдумал свой мир?» — думаю я, пытаюсь успокоиться. Тогда моя роль сводится к тому, чтобы сделать банальный рерайт его необъятной саги. Быть может, я лишь марионетка и не сам пишу книгу, но он пишет её посредством моего сознания?

Нужно набраться духу и продолжить работу, скрыв от себя шальную догадку, что выдуман как раз наш мир, просто время узнать это пока не пришло. Конец свитка ещё не раскрылся.

Иона Верный